

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 125–134.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 2 (87):125–134.

Научная статья
УДК 821.111(73).09"19"
DOI 10.37724/RSU.2025.87.2.012

**Представитель «неназванной третьей волны модернизма».
Критика о месте Дэвида Фостера Уоллеса
в современной американской литературе**

Виолетта Александровна Каяво

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
kaiavo.violetta@urfu.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка определить место писателя Дэвида Фостера Уоллеса в современной американской литературе. Рассматриваются различные подходы исследователей к концепции искренности, выработанной писателем, и его противоречивое отношение к постмодернистской иронии. Новизна исследования обусловлена недостаточной изученностью творчества Уоллеса в отечественном литературоведении; актуальность — неоднозначностью оценок его положения в литературе. В работе делается вывод о том, что Уоллеса было бы уместнее назвать предтечей некой новой волны модернизма, чем непосредственным ее представителем. Это связано с тем, что в своем программном эссе «E Unibus Pluram: телевидение и художественная литература США» Уоллес заявил о намерении отказаться от иронии и обозначил важность искренности в литературе, однако в своих художественных произведениях продолжал использовать постмодернистские приемы. Существуют различные альтернативы постмодернизму, например, пост-постмодернизм и метамодернизм, в которые вписывается стремление Уоллеса к «обаединству» — быть одновременно и искренним, и ироничным. Однако они скорее подтверждают свою связь с постмодернизмом, чем разрывают ее. Концепция «новой искренности», с которой ассоциируют имя автора, также не представляется некоторым исследователям исчерпывающей. Данные противоречия приводят к необходимости проанализировать концепцию искренности у постмодернистских писателей в целом. Тем не менее тот факт, что Уоллес и его современники (Д. Франзен, Д. Эггерс и др.) объединялись друг с другом в своем стремлении пересмотреть постмодернистскую литературу и ее приемы, предполагает начало нового направления.

Ключевые слова: «новая искренность», Дэвид Фостер Уоллес, ирония, метамодернизм, пост-постмодернизм, постмодернизм, «страх влияния».

Для цитирования: Каяво В. А. Представитель «неназванной третьей волны модернизма». Критика о месте Дэвида Фостера Уоллеса в современной американской литературе // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 125–134. DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.012.

Original article

**A representative of the “unnamed third wave of modernism.”
Criticism on David Foster Wallace’s place
in contemporary American literature**

Violetta Aleksandrovna Kaiavo

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia
kaiavo.violetta@urfu.ru

Abstracts. The article attempts to determine the place of the writer David Foster Wallace in contemporary American literature. We review approaches of researchers to the concept of sincerity developed by the writer and his contradictory attitude to postmodern irony is considered as well. The novelty of the research is due to insufficient

study of Wallace's work in Russian criticism. Its relevance arises from the ambiguity of assessments of Wallace's position in literature. The paper concludes that it would be more appropriate to call Wallace a forerunner of a certain new wave of modernism than a direct representative of it. This is due to the fact that in his program essay *E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction*, Wallace declared his intention to abandon irony and emphasized the importance of sincerity in literature, but continued to use postmodernist techniques in his fiction. There are various alternatives to postmodernism, such as post-postmodernism and metamodernism, into which Wallace's desire for 'bothness' — to be both sincere and ironic — fits. However, they reaffirm their connection to postmodernism rather than abandoning it. The concept of 'New Sincerity,' with which the author's name is associated, also does not seem exhaustive to some researchers. These contradictions lead to the need to analyze the concept of sincerity in postmodern writers' fiction as well in general. Nevertheless, the fact that Wallace and his contemporaries (D. Franzen, D. Eggers, etc.) were uniting with each other in their desire to revise postmodern literature and its techniques suggests the beginning of a new direction.

Keywords: "New Sincerity," David Foster Wallace, irony, metamodernism, post-postmodernism, postmodernism, "the anxiety of influence."

For citation: Kaiavo V. A. A representative of the "unnamed third wave of modernism." Criticism on David Foster Wallace' place in contemporary American literature. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 2 (87):125–134. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.012.

Введение

Дэвид Фостер Уоллес (David Foster Wallace, 1962–2008), автор культового романа «Бесконечная шутка» ("Infinite Jest", 1996), сформировался как писатель в период, который исследователи называют постмодернистским, постисторическим, неолиберальным, а также веком перелома.

Свой творческий путь Д. Ф. Уоллес начал во время расцвета рейганомики и глобализации, в эпоху, отмеченную особой популярностью телевидения и развитием интернета. Уоллес исследовал в творчестве происходившее с американским обществом и культурой в период укрепления позиции США как доминирующей сверхдержавы.

Писатель критически относился к неолиберальной культуре США, создавшей культ равнодушного индивидуализма, коммодификации трендов, и, по его собственным словам, тиранию иронии и цинизма [Уоллес, 2023].

Критика представлена Уоллесом в знаменитом эссе «E Unibus Pluram: телевидение и художественная литература США» ("E Unibus Pluram: Television and U. S. Fiction") и в интервью Ларри Макэффри 1993 года. Автор утверждал, что телевидение вызвало «отчаяние и стазис» в американской литературе, а также заменило писателям реальность [Уоллес, 2023, с. 149]. По его мнению, «телевидение берет элементы *постмодерна*... и приспосабливает для зрелищ и потребления» [Там же, с. 172].

Во многих энциклопедиях и монографиях Уоллеса относят к постмодернистам. Например, в «Истории американской литературы» подчеркивается, что произведения Уоллеса «пропитаны иронией», а «Бесконечная шутка» названа крупным постмодернистским романом [Gray, 2012, p. 718]. Однако призыв Уоллеса в эссе к тому, чтобы стать «слишком» искренними, привел к тому, что исследователи усомнились в принадлежности автора к данному направлению [Boswell, 2020 ; Clare, 2017 ; McLaughlin, 2013 ; Красавченко, 2018 ; Сербинская, 2017 ; и др.].

Утверждение искренности и критика иронии писателем стали рассматриваться литературоведами как признаки перехода от литературы постмодернизма к нечто новому: метамодернизм, пост-постмодернизм, «новая искренность», пост-ирония и т. д. — данные понятия связывают с именем Дэвида Фостера Уоллеса. Зарубежные и отечественные исследователи при этом начали задавать вопрос: действительно ли происходит смена эпохи постмодерна? Представляет ли собой призыв Уоллеса к искренности нечто принципиально новое? В эссе Уоллес выражает мнение о постмодернизме и «уникальных проблемах, стоящих перед писателями его поколения» [Boswell, 2020, p. 5], но — что важно — не отвергает его наследие полностью.

Целью нашего исследования является попытка ответить на вышеуказанные вопросы, что невозможно без рассмотрения подходов к концепции искренности, выработанной Уоллесом, и анализа его сложного отношения к постмодернистской иронии в том числе. Новизна

и актуальность исследования обусловлены неоднозначностью интерпретаций творческого метода Уоллеса, а также недостаточной изученностью в русскоязычной критике его положения в литературном контексте.

Основная часть

Литература и телевидение

Д. Ф. Уоллес рассматривал телевидение в качестве примера господства иронии в американской культуре. Сравнение телевидения и литературы может показаться необычным, но фактически оно не случайно. Уоллес относится к поколению X¹, а именно к категории людей, которые воспитывались в контексте коммерческой культуры США. Телевидение и массовая культура — то, что особенно влияло на мироощущение поколения Уоллеса.

Важно обратиться к эссе Д. Ф. Уоллеса “Fictional Futures and Conspicuously Young”, в котором писатель рассуждал о литературном рынке США середины 1980-х годов — периоде, когда «близость писателей к их половому созреванию казалась преимуществом» [Wallace, 2012, p. 17]. В то время, например, стал популярным Брет Истон Эллис². Если в самом начале появления таких писателей вызвало восхищение, то со временем их стали критиковать за «до ужаса плохие произведения», а также за их «ошеломляющую схожесть» [Ibid, p. 18]. Причины этого Уоллес увидел в среде, одна из главных характеристик которой — «психологически пандемическое» влияние телевидения [Ibid, pp. 19–20].

Д. Ф. Уоллес отмечал, что телевидение влияет на то, как писатели понимают и представляют себе жизнь; описания персонажей во многом состоят из упоминаний слоганов, брендов, телевизионных программ и музыки [Ibid]. Создается ощущение, что потребление — единственное, что определяет личность человека. Уоллес развернул эти идеи далее в “E Unibus Pluram”. В более ранней статье мы привели содержание и анализ этого эссе [Каяво, 2024б]; в данной же мы постараемся кратко изложить его основные положения.

По мнению Д. Ф. Уоллеса, телевидение, подобно иронии, не отражает объективную реальность, а создает ее иллюзию. Писатели, в свою очередь, путают вымысел телевидения со взятым из жизни материалом для уже собственного вымысла [Уоллес, 2023].

Анализируя различные телешоу, их отсылки друг на друга, а также взаимодействие актеров со зрителями, Д. Ф. Уоллес заявляет, что телевидение основано на самоиронии. Транслируя «телевизионные шоу о самих телевизионных шоу», «телевидение стремится ввести зрителей в заблуждение, заставляя их думать, что они интеллектуально критикуют просмотр, а не пассивно потребляют» [Burn, 2012, p. 7]. В этом и заключается связь телевидения с постмодернистской литературой. Кроме того, подмена реальности вымыслом становится неотъемлемой частью американской (и не только) культуры, и с ее коммерциализацией, с развитием технологий реальный опыт заменяется более привлекательным и управляемым «симулякром» [Уоллес, 2023, с. 187]. Уоллес показывает, что ирония и есть причина указанного «застоя» в американской литературе и культуре. Писатель отдает должное постмодернистским предшественникам, отмечая, что «самосознание, ирония и анархизм» были необходимы в их время, но позднее указанные аспекты потеряли свою разоблачительную силу, превратившись под влиянием массовой культуры в обычное высмеивание в произведениях писателей, которые стали популярными в 1990-х годах [McCaffery, 2012, p. 48].

Как писал Д. Ф. Уоллес в конце эссе, решение проблемы заключается в отказе от постмодернистской иронии и влияния телевизионной культуры; помимо этого, нужно позволить себе быть искренними [Уоллес, 2023]. «Я просто считаю, что художественная литература, которая не изучает, что значит быть человеком сегодня — не есть хорошее искусство» [McCaffery, 2012, p. 26].

Критики назвали призыв писателя к искренности «рецептом новой художественной литературы после постмодернизма» [Burn, 2012, p. 9], что стало причиной дискуссий и споров среди литературоведов. Далее представим обзор различных подходов и оценок роли писателя и его творчества в литературном процессе.

¹ Generation X — люди, родившиеся в период с 1960-х годов по 1985 год.

² Писатель опубликовал свой дебютный роман “Less Than Zero”, когда ему был 21 год.

Постмодернист, пост-постмодернист, метамодернист?

Тот факт, что постмодернизм, вероятно, исчерпал себя, обсуждается с конца 1980-х — начала 1990-х годов, и не только в связи с Д. Ф. Уоллесом.

Р. Клэр в статье «Конец постмодернизма» упоминает Штутгартскую конференцию 1991 года, в которой приняли участие Д. Барт, У. Гэсс и др.: «То, что подобная конференция осмелилась спросить своих уважаемых докладчиков, покончено ли с постмодернизмом, тем самым предположив, что так оно и есть, заключало в себе показательный момент»; эссе Уоллеса “E Unibus Pluram” также упоминается Клэром [Clare, 2017, p. 91].

Вместе с тем, как отмечают исследователи, если Д. Ф. Уоллес и призывает к искренности и анти-иронии в своем своеобразном «манифесте», то сам от иронии он не отказывается. Как считают некоторые исследователи, такая двойственность — качество, которое сам Уоллес назвал «обаединством» (bothness, пер. Е. Масловой), [Scott, 2000], является его творческим методом. В произведениях Уоллес использует ситуативную, драматическую и вербальную иронию, при этом обращаясь к тем самым «немодным» проблемам.

Об «обаединстве» пишут и другие исследователи, называя такую особенность пост-постмодернистской. Например, Р. Маклафлин, рассуждая о возможном конце постмодернизма и о роли иронии, берет за основу знаменитое эссе Д. Ф. Уоллеса. Согласно Маклафлину, пост-модернисты представляли неопределенность реальности с помощью «экспериментальных самореферентных средств»; «пост-постмодернисты» же возвращаются к реализму, что стало особенно актуальным после трагедии 11 сентября 2001 года [MacLaughlin, 2013, p. 289].

В другой статье Р. Маклафлин отмечает, что пост-постмодернизм — «неуклюжий термин, но он подходит авторам, работающим в рамках культуры и эстетики, созданных постмодернизмом, из которого они стремятся вырваться» [McLaughlin, 2012, p. 213]. Автор добавляет, что Д. Ф. Уоллес не призывает к отказу от постмодернизма: на самом деле цель пост-постмодернистского автора состоит в том, чтобы признавать иронию и цинизм, «но затем писать сквозь них [“but then to write through them”], чтобы вырваться из цикла самореференции» [Ibid, p. 215].

«Пост-постмодернистом» Д. Ф. Уоллеса также называет А. Келли, однако он уделяет внимание тому, что писатель понимает под искренностью. Данный аспект мы проанализировали в другой ранней статье [Каяво, 2024а]. Творчество Уоллеса выражает стремление к выходу за рамки иронии к «новой искренности» (понятие, которое ввел А. Келли). Для писателя важно понять, что «происходит, когда ожидание восприятия другими внешнего поведения человека начинает иметь приоритет для действующего “я”, так что внутренние состояния теряют свой изначальный причинный статус и вместо этого становятся следствиями этой предвосхищающей логики» [Kelly, 2010, p. 136]. Определяющая черта «новой искренности» — обращение писателя к чувствам читателя, то есть чтение должно представлять собой общение [Ibid, p. 145].

Помимо этого, задача писателя состоит в том, чтобы выглядеть искренним для читателя и быть таковым в действительности: писать, зная, что его будут читать — показать внешнее «я», поддающееся оценке другими, и быть при этом действительно искренним (показать внутреннее «я», подлинное). Быть «пост-постмодернистом» же означает никогда не быть полностью уверенным, действительно ли вы справились с такой задачей [Kelly, 2010]; главными «судьями» в этом случае оказываются читатели.

Для исследователей обеспокоенность Д. Ф. Уоллеса искренностью стала повсеместным явлением, чем-то вроде клише. Однако есть и те, кто не принимает концепцию А. Келли.

Л. Константину критикует «новую искренность», которая у А. Келли будто бы противопоставлена иронии, и вводит понятие «пост-иронии». «Сторонники пост-иронии не ратуют за банальный возврат к искренности — потому что не выступают с позиций анти-иронии — а скорее хотят сохранить постмодернистские критические озарения (в различных сферах), при этом преодолев их тревожные измерения» [Константину, 2019]. Пост-ирония характеризуется одновременно проблематизацией и утверждением иронии. Снова проявляется то же самое балансирование, «обаединство».

Стремление к искренности и одновременное использование постмодернистских приемов Д. Ф. Уоллесом также вписывается в контекст метамодернизма — понятия, появившегося в 1970-х годах. Однако попытку его описать первыми сделали исследователи Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер. Они заявили об окончании постмодернизма ввиду развития цифровой эпохи, политической и экономической нестабильности, и объявили о появлении новой «структуры

ощущений» [Vermeulen, van den Akker, 2010, p. 2]. Авторы попытались обозначить основные черты метамодернизма: стремление к искренности и отказ от иронии, психологизм, возрождение общечеловеческих ценностей (взаимоуважение, любовь и т. п.), отражение подлинных человеческих чувств [Ibid].

Тем не менее некоторые исследователи, например А. Павлов, заявляют, что авторам не удастся развить тезис о повороте от цинизма и иронии постмодернизма к искренности, и их «манифест» носит лишь декларативный характер [Павлов, 2023, с. 402]. М. Ив также отмечает «изъяны» в концепции метамодернизма: в то время как Уоллес демонстрирует, что цинизм, ирония и искренность могут сосуществовать, большую часть творчества постмодерниста Томаса Пинчона «можно классифицировать таким же образом» [Eve, 2012, p. 8]. Ив делает вывод, что метамодернизм не может использоваться как «временной спецификатор», а само понятие обладает лишь «номинативной функцией» [Ibid].

«Страх влияния»

Характеризуя творческий подход Д. Ф. Уоллеса и его современников, литературоведы упоминают то, что Х. Блум³ назвал «страхом влияния». Речь идет даже не о «страхе», а о «панике» писателей из-за влияния постмодернизма: «Преследуемый чувством опоздания, ощущения, что его постмодернистские предшественники опережают и затмевают его, Уоллес на самом деле изо всех сил пытался вырваться из их тени» [McHale, 2015, p. 136]. Б. Макхэйл называет Уоллеса и других авторов 1990-х годов «постмодернистами второго поколения» [Ibid, p. 137]. Более того, по мнению исследователей, использование понятия «пост-постмодернизм» лишь подчеркивает связь новой «культурной фазы» с постмодернизмом и не позволяет рассматривать ее как нечто уникальное [McHale, 2015 ; Burn, 2012].

Необходимо обратиться к сравнению “E Unibus Pluram” и эссе писателя-постмодерниста Джона Барта «Литература истощения» (1967). «Литературу истощения» называют манифестом постмодернизма, хотя понятие «постмодернизм» Барт в эссе не использует.

Дж. Барт заявлял, что время модернистского романа как основной формы искусства истекло; реализм и модернистские инновации перестали быть эффективными средствами передачи реальности. Литературу новой эпохи он описывает следующим образом: «Я... склонен предпочитать тот вид искусства, которым могут заниматься немногие люди: тот, что требует опыта и мастерства, а также ярких эстетических идей и/или вдохновения» [Barth, 1967]. Барт также подчеркивает, что «идеальный постмодернистский писатель не отвергает, но и не подражает ни своим модернистским родителям из двадцатого века, ни своим премодернистским прадедушкам из века девятнадцатого» [Барт, 2015]. Другими словами, для Барта одинаково важны как эксперименты с новыми формами и стилями, со временем и пространством текста, так и сочетание модернистских и премодернистских приемов. То же самое показывает Уоллес в эссе “E Unibus Pluram” по отношению к постмодернизму.

М. Босуэлл, анализируя взаимосвязь эссе Дж. Барта и Д. Ф. Уоллеса, отмечает, что для Барта главной задачей также было исследовать «отношения между литературным методом и реальностью»: «Постмодернистский роман будет иронически использовать литературные условности в форме пародии, тем самым предпринимая саморефлективное исследование онтологического статуса самого литературного исследования [“a self-reflexive inquiry into the ontological status of literary inquiry itself”]» [Boswell, 2020, p. 7]. Босуэлл подчеркивает, что Уоллес видел в работах Барта самореференциальное качество, разрушающее уверенность в возможности литературы напрямую обращаться к внешнему миру [Ibid].

Уоллес критиковал каноны постмодернизма и в повести «На запад курс империи идет своим путем», опубликованной в сборнике “Girl with Curious Hair” в 1989 году. Д. Ф. Уоллес стремился наметить новое направление в «искусстве повествования», которое позволило бы выйти «за пределы литературы истощения Дж. Барта и нового реализма 1980-х годов» [Boswell, 2020, p. 59]. «На Запад курс империи идет своим путем» — это отклик Уоллеса на рассказ Барта «Заблудившись в комнате смеха» из одноименного сборника 1968 года.

³ Сам Х. Блум считал, что у Д. Ф. Уоллеса «нет особого таланта», его «Бесконечную шутку» назвал «ужасной» [Leith, 2016], и это выглядит особо ироничным в контексте данной статьи.

Рассказ представляет собой историю о семейной поездке в День Независимости. Главный герой — подросток по имени Эмброуз, литературное «я» Дж. Барта. Эмброуз, его брат Питер и их соседка Магда оказываются в комнате смеха; вскоре Эмброуз теряет из виду своих попутчиков и остается один в зеркальном лабиринте. Описывая искаженные отражения в комнате смеха и переживания персонажа, Дж. Барт пытается понять сложную взаимосвязь восприятия и реальности. Барт подчеркивает присутствие фигуры автора в тексте: «В зеркальной зале комнаты смеха наблюдать и наблюдать за самим собой до бесконечности нельзя, потому что, где бы ты ни встал, всюду на дороге собственная голова. <...> ...*потерявшись окончательно в рефлексии*, в раздумьях о том, что сама необходимость наблюдателя сводит на нет возможность объективного наблюдения» [Барт, 2001, с. 124–137].

«Заблудившись в комнате смеха» — образец метапрозы и самореференции. Предположительно взрослый Эмброуз-писатель (литературное «я» Дж. Барта) пишет об Эмброузе-персонаже и отмечает, как тот принял для себя роль писателя: «Он будет оператором... <...> ...одним нажатием тумблера он облегчит путь вот этому парню, осложнит вон тому» [Там же, с. 141]. Писатели и их литературное «я», в отличие от читателей, оказываются внутри текста, «поскольку они стали языковыми конструкциями», и из него нет выхода в мир реальности [Boswell, 2020, p. 61].

Д. Ф. Уоллес в повести «На запад курс империи идет своим путем» интертекстуально переписал рассказ Дж. Барта: его герой, Марк Нектр, учится творческому письму у некоего профессора Эмброуза [Wallace, 2014]. Марк — собственный «Эмброуз» Уоллеса, его литературное «я»; также он талантливый стрелок из лука. Если у Барта зеркальный зал представляет собой символ постмодернистского текста, основанный на самореференции и иллюзии реальности, то у Уоллеса стрельба из лука является символом взаимоотношений писателя и читателя [Boswell, 2020]. Уоллес видел в писателе лучника, который должен помочь своему тексту направить стрелу в сердце читателя, что Барт будто бы игнорирует, создавая солипсическую прозу [Ibid].

Стремление отнести творчество Д. Ф. Уоллеса к пост-постмодернизму на самом деле связано, как считает Ч. Харрис, с тем, что «молодой Уоллес попал под влияние Барта и других писателей-постмодернистов только для того, чтобы освободиться от этой зловещей власти» [Harris, 2014, p. 103]. Сам Уоллес пользовался приемами постмодернистских писателей: метапроза, например, всегда была неотъемлемой частью его творчества. Харрис подчеркивает, что «отношения» между Бартом и Уоллесом «можно охарактеризовать как сознательно сыновние... включающие в себя в равной степени уважение и сопротивление» [Ibid].

В интервью для Л. Макэффри Д. Ф. Уоллес отмечал: «Если у меня есть настоящий враг, патриарх моего отцеубийства, то это, вероятно, Барт, Кувер и Берроуз, даже Набоков и Пинчон. <...> ...но отцеубийство порождает сирот... <...> ...мы постепенно начинаем понимать, что родители на самом деле никогда не вернуться, а это значит, что нам самим придется быть родителями» [McCaffery, 2012, pp. 48–52]. Уоллес неслучайно использовал слово «отцеубийство» (“patricide”): очевидно, что он был знаком с книгой Х. Блума и опирался на его трактовку отношения сильного поэта к своему предшественнику как отношения сына к отцу. Сильный поэт живет «последовательностью “воспоминания вперед” о прорыве к новизне, все-таки повторяющей достижения предшественников» [Блум, 1998, с. 71]. Уоллес восхищался творчеством Барта, и это неизбежно привело к подражанию, переписыванию произведений последнего: это «необходимый и стратегический “реви́зионный поворот”, *клинамен*, в терминологии Блума» [Harris, 2014, p. 109].

Д. Ф. Уоллес стремился выйти за пределы постмодернистской литературы, используя ее приемы, но пытался при этом сократить дистанцию между текстом и читателем, требуя от последнего эмоционального отклика [Ibid, p. 109]. Это похоже также на то, о чем пишет и А. Келли: для Уоллеса на первый план выходит диалог с читателем, вовлечение его в события истории, пусть и воображаемой; для него также важно, чтобы читатель ставил себя на место персонажей.

Заключение

Представленные в статье положения о месте Д. Ф. Уоллеса в литературном контексте во многом сходны между собой: исследователи описывают одни и те же особенности его творчества, но с разных сторон. «Обаединство», стремление обратиться к читателю через собственный текст — все это отражает суть творческого «проекта» Уоллеса, заключающуюся в постоянной

неуверенности, или, как выразился А. Келли, сомнения [Kelly, 2010, p. 145]. Автор исследует человеческую сущность и пытается ответить на вопрос: что действительно важно — быть или казаться? Уоллес — гуманист, и его личные и творческие колебания показывают то, как важно ставить себя на чужое место, что отрицает солипсизм и иронию, а также исключает однозначность каких-либо суждений.

Идея о сомнении также отражается в неоднозначной ситуации, связанной с альтернативами постмодернизму: например, концепция метамодернизма, как оказалось, требует доработки; описание Уоллеса как основоположника «новой искренности» стало повсеместным, однако есть те, кто такой подход критикует и не считают его исчерпывающим. Пост-постмодернизм, метамодернизм и идея о «страхе влияния», в свою очередь, признают связь с наследием модернизма и постмодернизма. Тем не менее сам постмодернизм также связан с предшествующими направлениями и подразумевает осознанное смешение различных художественных приемов и стилей — возможно, существующие альтернативы являются модификациями постмодернизма, а не явлениями нечто нового.

Обзор показывает, что исследователи — под влиянием установленных самим Уоллесом границ в понимании искренности и постмодернистской иронии — больше сосредоточены на его отличиях от предшественников [Andersen, 2014]. Возникает закономерный вопрос: можно ли в таком случае сделать вывод, что те самые предшественники (Дж. Барт, Т. Пинчон и др.) не были, например, искренни и не пытались установить контакт с читателем? Очевидный ответ — нет, и поэтому необходимо дать ответы на следующие вопросы: что есть постмодернистская искренность? как реализуется постмодернистская эмпатия?

Попытка обозначить положение Д. Ф. Уоллеса в литературе оказывается непростой задачей. Романное творчество Уоллеса, как справедливо отмечают исследователи и переводчики, представляется постмодернистским, но нельзя отрицать тот факт, что эссе “E Unibus Pluram” стало заявлением об идущем вразрез с постмодернизмом творческом намерении. Примечательно и то, что Уоллес, как и его современники Д. Франзен, Д. Эггерс и др., не боялись объединяться «в более крупное литературное движение» [Andersen, 2014, p. 11], и это уже отличает их от постмодернистских авторов. В данной ситуации, когда нет единого мнения о том, как назвать и описать то, что приходит на смену постмодернизму в литературе, характеристика Уоллеса как «постмодерниста второго поколения» (Б. Макхэйл) кажется логичной. Однако важно подчеркнуть, что Уоллес и его современники пытаются пересмотреть постмодернистский проект и выйти за его рамки, и мы полагаем, что обозначение автора как *предтечи* некоего нового направления — или, пользуясь формулировкой М. Босуэлла, «третьей волны модернизма» [Boswell, 2020, p. 1] — представляется более уместным.

Список источников

1. Барт Д. Заблудившись в комнате смеха : рассказы, роман / пер. с англ., послесл. В. Михайлина. — СПб. : Симпозиум, 2001. — 538 с.
2. Барт Д. Литература восполнения. Творчество эпохи постмодернизма // LiveLib. — 2015. — URL : <https://www.livelib.ru/translations/post/16679-literatura-vospolneniya-tvorchestvo-epohi-postmodernizma> (дата обращения: 28.07.2024).
3. Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания / пер. с англ., сост., примеч., послесл. С. А. Никитина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. — 352 с.
4. Каяво В. А. Несвятой «святой Дэйв»: критическая рецепция личности и творчества Дэвида Фостера Уоллеса (обзор) // Литература двух Америк. — 2024а. — № 16. — С. 75–102. — DOI: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-75-102>.
5. Каяво В. А. Эссе “E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction” Д. Ф. Уоллеса как ключ к пониманию американской культуры и общества: анализ основных тем в контексте романов “Infinite Jest” (1996) и “The Pale King” (2011) // Вестник Пермского университета. Сер. «Российская и зарубежная филология». — 2024б. — Т. 16, № 2. — С. 69–78. — DOI: 10.17072/2073-6681-2024-2-69-78.
6. Константинову Л. Четыре лица пост-иронии / пер. с англ. В. Липка // Metamodern: журнал о метамодернизме. — 2019. — URL : <https://metamodernizm.ru/four-faces-of-postirony/> (дата обращения: 21.10.2023).
7. Красавченко Т. Н. Англоязычная критика о «культовом» американском писателе Дэвиде Фостере Уоллесе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: реферативный журнал. — 2018. — № 4. — С. 244–252. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnaya-kritika-o-kultovom-amerikanskom-pisatele-devide-fostere-uollese> (дата обращения: 06.03.2025).

8. Павлов А. В. Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теория объясняют наше время. — 3-е изд., доп. — М. : Дело, 2023. — 584 с.
9. Сербинская В. А. Постмодернизм и метамодернизм: разграничение понятий и черты метамодернизма в современной литературе // *Парадигма*. — 2017. — № 26. — С. 22–30. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-i-metamodernizm-razgranichenie-ponyatiy-i-cherty-metamodernizma-v-sovremennoy-literature> (дата обращения: 06.03.2025).
10. Уоллес Д. Ф. Избр. эссе / пер. с англ. С. Карпова, А. Поляринова ; послесл. С. Карпова. — Екатеринбург : Гонзо, 2023. — 584 с.
11. Andersen T. R. Pay Attention! David Foster Wallace and his Real Enemies // *English Studies*. — 2014. — Vol. 95, N 1. — Pp. 7–24. — DOI: 10.1080/0013838X.2013.857848.
12. Barth J. The Literature of Exhaustion // *The Atlantic* — August 1967. — URL : <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1967/08/the-literature-of-exhaustion/659344/> (accessed: 28.07.2024).
13. Boswell M. Understanding David Foster Wallace. — Rev. and exp. ed. — Columbia : The University of South Carolina Press, 2020. — 186 p.
14. Burn S. J. David Foster Wallace’s Infinite Jest. A Reader’s Guide. — 2nd ed. — L. ; N. Y. : Continuum, 2012. — 128 p.
15. Clare R. The End of Postmodernism // *American Literature in Transition, 1990–2000* / ed. by S. J. Burn. — N. Y. : Cambridge University Press, 2017. — Pp. 91–104.
16. Eve M. P. Thomas Pynchon, David Foster Wallace and the problems of ‘metamodernism’: post-millennial post-postmodernism? // *C21 Literature: Journal of 21st-century Writings*. — 2012. — Vol. 1, N 1. — Pp. 7–25.
17. Gray R. A History of American Literature, 2nd ed. — Wiley-Blackwell, 2012. — 913 p.
18. Harris C. B. The Anxiety of Influence: The John Barth / David Foster Wallace Connection // *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. — 2014. — Vol. 55, N 2. — Pp. 103–126. — DOI: 10.1080/00111619.2013.771905.
19. Kelly A. David Foster Wallace and the New Sincerity in American Fiction // *Consider David Foster Wallace* / ed. by D. Hering. — Los Angeles ; Austin : Sideshow Media Group Press, 2010. — Pp. 131–146.
20. Leith S. Infinite Jest at 20: 20 Things You Need to Know // *The Guardian*. — 2016, 26 Febr. — URL : <https://www.theguardian.com/books/2016/feb/26/infinite-jest-david-foster-wallace-20th-anniversary-20-things-need-know> (accessed: 25.12.2024).
21. McCaffery L. An Expanded Interview with David Foster Wallace / 1993 // *Conversations with David Foster Wallace* / ed. by S. J. Burn. — Jackson : University Press of Mississippi, 2012. — Pp. 21–52.
22. McHale B. The Cambridge Introduction to Postmodernism. — N. Y. : Cambridge University Press, 2015. — 239 p.
23. McLaughlin R. L. After the Revolution: US Postmodernism in the Twenty-First Century // *Narrative*. — 2013. — Vol. 21, N 3. — Pp. 284–295. — DOI: 10.1353/nar.2013.0021.
24. McLaughlin R. L. Post-postmodernism // *The Routledge Companion to Experimental Literature* / ed. by J. Bray, A. Gibbons, B. McHale. — L. ; N. Y. : Routledge, 2012. — Pp. 212–223.
25. Scott A. O. The Panic of Influence // *The New York Review*. — 2000, 10 Febr. — URL : https://www.nybooks.com/articles/2000/02/10/the-panic-of-influence/?lp_txn_id=1432194 (accessed: 04.03.2023).
26. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // *Journal of Aesthetics & Culture*. — 2010. — N 2 (1). — Pp. 1–14. — DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.
27. Wallace D. F. Fictional Futures and the Conspicuously Young // *Both Flesh and Not*. — N. Y. ; Boston ; L. : Little, Brown and Company, 2012. — Pp. 17–28.
28. Wallace D. F. Westward the Course of Empire Takes its Way // *Girl with Curious Hair*. — N. Y. : Little, Brown and Company, 2014. — Pp. 325–541.

References

1. Barth, J. *Zabludivshis v komnate smekha: rasskazy, roman. Per. s angl., poslesl. V. Mikhaylina*. [Lost in the Funhouse: stories, novel. Translated from English, afterword by V. Mikhaylin]. St. Petersburg, Symposium, 2001, 538 p. (In Russian).
2. Barth, J. *Literatura vospolneniya. Tvorchestvo epokhi postmodernizma*. [The Literature of Replenishment. Creativity in the postmodern era]. *LiveLib*. 2015. Available at: <https://www.livelib.ru/translations/post/16679-literatura-vospolneniya-tvorchestvo-epokhi-postmodernizma> (accessed: 28.07.2024). (In Russian).
3. Bloom, H. *Strakh vliyaniya. Karta perechityvaniya. Per. s angl., sost., primech., poslesl. S. A. Nikitina*. [Fear of influence. A map of rereading. Translated from English, compiled, notes, afterword by S. A. Nikitin]. Yekaterinburg: Ural University Publ., 1998, 352 p. (In Russian).
4. Kaiavo V. A. The unholy “Saint Dave”: critical reception of the personality and works of David Foster Wallace (review). *Literatura dvukh Amerik*. [Literature of the Americas]. 2024a, iss. 16, pp. 75–102. DOI: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-75-102>. (In Russian).

5. Kaiavo, V. A. Essay “E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction” by D. F. Wallace as a key to understanding American culture and society: Analysis of the main themes in the context of the novels “Infinite Jest” (1996) and “The Pale King” (2011). *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. “Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya”*. [Bulletin of Perm University. Series “Russian and Foreign Philology”]. 2024b, vol. 16, iss. 2, pp. 69–78. DOI: 10.17072/2073-6681-2024-2-69-78. (In Russian).
6. Konstantinu L. Four faces of post-irony. Trans. from English by V. Lipok. *Metamodern: zhurnal o metamodernizme*. [Metamodern: a journal on metamodernism]. 2019. Available at: <https://metamodernizm.ru/four-faces-of-postirony/> (accessed: 21.10.2023).
7. Krasavchenko T. N. English-language criticism of the ‘seminal’ American writer David Foster Wallace. *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7, Literaturovedeniye: referativnyy zhurnal*. [Social Sciences and Humanities. Russian and foreign literature. Ser. 7, Literary studies: a journal of abstracts]. 2018, iss. 4, pp. 244–252. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnaya-kritika-o-kultovom-amerikanskom-pisatele-devide-fostere-uollese> (accessed: 06.03.2025). (In Russian).
8. Pavlov A. V. *Postpostmodernizm. Kak sotsialnaya i kulturnaya teoriya obyasnayut nashe vremya*. [Post-postmodernism. How social and cultural theory explain our time]. Moscow, Delo, 2023, 584 p. (In Russian).
9. Serbinskaya V. A. Postmodernism and metamodernism: delineation of concepts and features of metamodernism in modern literature. *Paradigma*. [Paradigm]. 2017, iss. 26, pp. 22–30. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-i-metamodernizm-razgranichenie-ponyatiy-i-cherty-metamodernizma-v-sovremennoy-literature> (accessed: 06.03.2025). (In Russian).
10. Wallace D. F. *Izbr. Esse. Per. s angl. S. Karpova, A. Polyarinova; poslesl. S. Karpova*. [Selected essays. Trans. from English by S. Karpov, A. Polyarinov; afterword by S. Karpov]. Yekaterinburg, Gonzo, 2023, 584 p. (In Russian).
11. Andersen T. R. Pay Attention! David Foster Wallace and his Real Enemies. *English Studies*. 2014, vol. 95, iss. 1, pp. 7–24. DOI: 10.1080/0013838X.2013.857848.
12. Barth J. The Literature of Exhaustion. *The Atlantic*. August 1967. Available at: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1967/08/the-literature-of-exhaustion/659344/> (accessed: 28.07.2024).
13. Boswell M. *Understanding David Foster Wallace*. Columbia, The University of South Carolina Press, 2020, 186 p.
14. Burn S. J. *David Foster Wallace’s Infinite Jest. A Reader’s Guide*. London, New York, Continuum, 2012, 128 p.
15. Clare R. *The End of Postmodernism American Literature in Transition, 1990–2000*. Ed. by S. J. Burn. N. Y., Cambridge University Press, 2017, pp. 91–104.
16. Eve M. P. Thomas Pynchon, David Foster Wallace and the problems of ‘metamodernism’: post-millennial post-postmodernism? *C21 Literature: Journal of 21st-century Writings*. 2012, vol. 1, iss. 1, pp. 7–25.
17. Gray R. *A History of American Literature*. Wiley-Blackwell, 2012, 913 p.
18. Harris C. B. The Anxiety of Influence: The John Barth / David Foster Wallace Connection. *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. 2014, vol. 55, iss. 2, pp. 103–126. DOI: 10.1080/00111619.2013.771905.
19. Kelly A. *David Foster Wallace and the New Sincerity in American Fiction Consider David Foster Wallace*. Ed. by D. Hering. Los Angeles; Austin: Sideshow Media Group Press, 2010, pp. 131–146.
20. Leith S. Infinite Jest at 20: 20 Things You Need to Know. *The Guardian*. 2016, 26 Febr. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2016/feb/26/infinite-jest-david-foster-wallace-20th-anniversary-20-things-need-know> (accessed: 25.12.2024).
21. McCaffery L. An Expanded Interview with David Foster Wallace. 1993 *Conversations with David Foster Wallace*. Ed. by S. J. Burn. Jackson, University Press of Mississippi, 2012 pp. 21–52.
22. McHale B. *The Cambridge Introduction to Postmodernism*. N. Y., Cambridge University Press, 2015, 239 p.
23. McLaughlin R. L. After the Revolution: US Postmodernism in the Twenty-First Century. *Narrative*. 2013, vol. 21, iss. 3, pp. 284–295. DOI: 10.1353/nar.2013.0021.
24. McLaughlin R. L. *Post-postmodernism The Routledge Companion to Experimental Literature*. Ed. by J. Bray, A. Gibbons, B. McHale. L.; N. Y., Routledge, 2012, pp. 212–223.
25. Scott A. O. The Panic of Influence. *The New York Review*. 2000, 10 Febr. Available at: https://www.nybooks.com/articles/2000/02/10/the-panic-of-influence/?lp_txn_id=1432194 (accessed: 04.03.2023).
26. Vermeulen T., van den Akker R. *Notes on Metamodernism. Journal of Aesthetics & Culture*. 2010, iss. 2 (1), pp. 1–14. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.
27. Wallace D. F. Fictional Futures and the Conspicuously Young. *Both Flesh and Not*. N. Y., Boston; L., Little, Brown and Company, 2012, pp. 17–28.
28. Wallace D. F. *Westward the Course of Empire Takes its Way Girl with Curious Hair*. N. Y., Little, Brown and Company, 2014, pp. 325–541.

Информация об авторе

Каюво Виолетта Александровна — соискатель, старший преподаватель кафедры германской филологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Сфера научных интересов: британская и американская проза XX–XXI веков, литература о травме, постмодернистская литература.

Information about the author

Kaiavo Violetta Aleksandrovna — Degree Candidate, Senior Lecturer at the Department of Germanic philology of the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin.

Research interests: British and American prose of the 20th–21st centuries, literature about trauma, postmodern literature.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 18.01.2025; accepted for publication 26.03.2025.